

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается специфика религиозных метафор и их роль в концептуализации души в художественном дискурсе XVIII–XX вв. Характерной особенностью исследуемой метафорической модели является тесный синтез языческих и христианских представлений, апелляция к фундаментальным оппозициям «добро–зло» и «свой–чужой», оценочный подход к познаваемым фрагментам действительности. С помощью метафорической проекции из сферы «религия» в сферу «внутренний мир человека» в художественном дискурсе репрезентируются душевные качества человека, эмоциональная жизнь, личные отношения между мужчиной и женщиной. Пик использования в художественном дискурсе религиозной метафорики приходится на XVIII–XIX вв. С XX века, после 1917 года, религия перестала занимать в жизни общества центральное место, в результате данная сфера стала значительно реже использоваться как источник метафорической экспансии.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт, художественный дискурс, религия, душа.

Обострившийся в последние годы интерес к проблемам ментальности и национальных духовных ценностей вполне закономерно находит свое отражение в лингвистике. Современные языковеды утвердились в мысли, что изучение языка необходимо проводить во взаимосвязи с изучением культуры данного народа (см. работы Н. Ф. Алефиренко, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, В. Н. Телии, А. Т. Хроленко, В. М. Шаклеина и др.). На формирование лингвокультуры этноса оказывает влияние целый ряд факторов, в том числе история, традиции, мифология и религия. Религия является одним из древнейших социальных институтов, зародившихся практически одновременно с человеческим обществом. Религиозно-конфессиональные факторы «играли (и играют!) выдающуюся роль в судьбах языков и, шире, в истории человеческой коммуникации» [1, с. 4]. Существующие различия в культурных концептах разных этносов в значительной степени также обусловлены данными факторами.

Значимость религиозной сферы, ее детальная структурированность и несомненная роль в жизни человека обуславливают использование информации о данной сфере как источника осмысления различных сфер действительности, в том и числе и внутреннего мира человека. Подобная традиция сложилась уже в древнерусский период [см. 2]. Душа грешит, кается, обращается к Богу, преодолевает искушения, очищается от скверны, достигает непорочности и святости: *душе моя. ... повежь явь дьянья и вса мысли Христу. и Ёчистися* (Лаврентьевская летопись (XIV в.); *Въстани, окаяннаа душе моя! ... исповьждь Господу Богу, яже согръшила еси* (Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова (XVI в.); *пече же и души своеи Ёставление грѣхов проса* (Ипатьевская летопись (XV в.); *душу твою царьскую к покоянию привел* (Андрей Курбский. Третье послание Ивану Грозному (XVI в.); *святая душа его возиде на небеса* (Новгородская первая летопись (XIII–XV вв.).

Однако во всех этих случаях следует говорить именно о метонимическом, а не метафорическом переносе. Религиозная, духовная жизнь человека проецируется на его душу, происходит типичный перенос «часть–целое». Религиозная лексика сохраняет свое исходное значение, например, под молитвой души понимается именно ее обращение к Богу с просьбой или мольбой, под покаянием души – осознание человеком собственной греховности и несовершенства и т. д. То есть, по сути дела, отсутствует перенос информации из одной понятийной сферы в другую, нет проекции знаний, накопленных о религии, на другие сферы жизнедеятельности человека.

Только в литературе нового времени, в художественном дискурсе, с формированием светского типа культуры, появляются многочисленные метафорические проекции из сферы «религия» в сферу человеческих отношений, в том числе сферой-мишенью становится и концептосфера «внутренний мир человека», в результате возникают новые смыслы и происходит взаимообогащение двух понятийных сфер.

Цель данной статьи – описать специфику религиозной метафорики, репрезентирующей внутренний мир человека в художественном дискурсе XVIII–XX вв. В процессе исследования была использована разработанная А. П. Чудиновым методика метафорического анализа, включающая характеристику сферы-источника (религия) и сферы-мишени (душа), выявление относящихся к данной модели фреймов и слотов, определение компонентов, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [3, с. 45].

В изученном материале метафорическая модель с исходной сферой «религия» структурируется при помощи следующих фреймов: «Вероисповедание», «Мир светлых и темных сил», «Реликвии и предметы культа», «Культовые действия и ритуалы», «Культовые пространства», «Загробный мир».

1. Фрейм «Вероисповедание». Вероисповедание – разновидность какого-либо вероучения со свойственными ей обрядами. Применительно к внутреннему миру человека источниками метафорической экспансии становятся три концепта – «язычество», «христианство» и «иноверие», с каждым из которых связан целый комплекс представлений.

Слот 1. «Язычество». Язычество – общее название первобытных религий, основанных на многобожестве. После принятия христианства язычество было вытеснено официальной церковью в область народной культуры, но отголоски многовекового наследия устойчиво сохраняются в народном сознании. Душа именуется язычницей в тот период, когда человек еще не приобщился к христианскому вероучению: *помни, Машенька, что ангелы небесные ликуют и радуются, когда языческая душа вступает в ограду спасения* (П. И. Мельников-Печерский. «На горах»); *Душа человеческая по природе своей язычница, которой, чтоб воспитаться христианкою, нужно пройти через тесные врата бесчисленных отречений* (В. Ерофеев. «Из записных книжек»). В художественном дискурсе XIX–XX вв. метафора «душа-язычница» используется для актуализации таких свойств, как безудержность, эмоциональность, неконтролируемость: *Ищи себе языческой души, Такой же пламенной и бурной...* (Ф. К. Сологуб. «Язычница! Как можно сочетать...»).

Слот 2. «Христианство». Вполне закономерно, что в русской лингвокультуре, основанной на православии, доминирующим является концепт «христианство»: *Мое дело такое, барыня, добрая христианская душа твоя!* (Д. В. Григорович. «Переселенцы»); *Я пред ней виноват, она христианская душа, да, господа, это кроткая душа и ни в чем не повинная* (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»). Душа, согласно высказыванию Тертуллиана, прямо именуется «христианкой»: *Тертуллиан и его знаменитое «душа человеческая есть по природе своей христианка»* (В. Ерофеев. «Из записных книжек»).

Слот 3. «Иноверие». Верующий человек достаточно четко противопоставлял себя представителям иных вероисповеданий, что проецируется и на его внутренний мир. Метафоры «иноверия» характеризуют представителей чуждых религиозных взглядов, а потому имеют четкую пейоративную оценку с точки зрения нравственности, этических норм поведения [4, с. 330]: *возможно ли иметь столь милый вид с столь жестокою и варварскою душою?* (Д. И. Фонвизин. «Сидней и Силли»); *И не жди их, анафемская душа твоя!* (П. И. Мельников-Печерский. «На горах»); *Отвечай – почему в церковь не ходишь, а? Еретицкая*

душа! Смутян человечесий! (М. Горький «Мои университеты»).

2. Фрейм «Мир светлых и темных сил». Душа человека концептуализируется как живое существо, обладающее верой, поклоняющееся Всевышнему. Концепты «Бог», «ангел», «серафим», «херувим» и «дьявол», «демон», «бес» получают новый смысл при метафорической проекции на концептосферу внутреннего мира человека.

Слот 1. «Мир светлых сил». Бог – название сверхъестественной сущности в религиозных учениях, которая может являться единственной в своем роде (монотеизм) или какой-либо одной конкретной из многих (политеизм). Христианская душа знает одного Бога – Христа: *Душа готова, как Мария, К ногам Христа навек прильнуть* (Ф. И. Тютчев. «О, вещая душа моя»).

Помимо лексемы *Бог*, основного репрезентанта концепта, метафоризации подвергаются лексемы *божество* и *богиня*. Обожещаются такие ценности, как дружба, любовь, искусство, свобода и красота: *Дружба! Дар небес бесценный... Божество души моей!* (В. В. Попугаев. «Воззвание к дружбе»); *...душа человека преклоняет колена пред богинями Красоты и Свободы* (М. Горький. «Мои интервью»).

С XVIII в. душа избирает себе нового Бога – любимую женщину. Именно она становится объектом обожания, восхищения и преклонения, истинным божеством для влюбленного: *Пленира днесь твой бог! Так! бог души моей, рассудка, помышлений...* (А. И. Клушин. «Послание к другу моему В. С. Ефимьеву»); *Где существуешь ты, души моей богиня? Твой образ в сердце у меня* (А. Х. Востоков. «К богине души моей»); *... неллицемерно жадная толпа готова была вознести на пьедестал богиню души...* (И. А. Гончаров. «Лихая болеть»). Концепт «богиня», являющийся источником метафорической экспансии, явно относится к языческой концептосфере, так как для христианства свойственна вера в единого Бога в трех своих ипостасях. Таким образом, в рамках данного слота наблюдается переплетение христианских и языческих образов.

Концепты «ангел», «серафим», «херувим» также используются для метафорического представления души. *Твоя душа – как божий ангел! Вся жизнь твоя – как светлый день!* (А. В. Кольцов. «Не разливай волшебных звуков!...»); *И дает душе серафимовы крылья – шесть белых крылий* (М. Горький. «В людях»); *Душой – херувим, ангел с лица, дверь перед ними открыл швейцар* (В. В. Маяковский. «Двое»).

Чаще всего подобные метафоры репрезентируют чистоту, искренность, безгрешность души: *Лиза в городе жила, Но невинною была; Лиза, ан-*

гел красотю, *Ангел правом и душою* (Н. М. Карамзин. «Выбор жениха»); *Безгрешная ангельская душа...* (В. Осеева. «Динка»). Ангелом души называют дорогих сердцу людей: *Мамуся моя, ангел души моей, вы все нервничаете, ей-богу...* (А. П. Чехов. «Иванов»); *Я думал, ... что приеду на родину с ангелом души моей, невестою моей* (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Слот 2. «Мир темных сил». Концепты «сатана», «демон» используются для метафорического наименования людей, искушающих душу, причиняющих боль и страдания: *Мой демон страшен тем, что, душу искушая, Уму он кажется святым* (Н. М. Минский. «Мой»); *Поспешим, Фаддей! Поспешим, сатана души моей!..* (А. П. Платонов. «Эфирный тракт»).

3. Фрейм «Святыни и предметы культа». В религиозной жизни есть особые артефакты – *иконы, плащаница, ковчегцы, мощи святых, гробницы* и т. п., которым поклоняются верующие, а также предметы, являющиеся необходимыми атрибутами богослужения (*алтарь, престол, лампада, кадило, свечи* и т. д.). Оба класса объектов становятся источниками метафорического переосмысления.

Душа человека во все времена воспринималась как главная ценность, сокровище, источник жизни, поэтому вполне закономерным является ее представление как святыни: *Мы душу, как святыню, проносили Сквозь иго хана, сквозь муштру царя ...* (И. Л. Сельвинский. «Кто мы?»).

1. Слот «Религиозные реликвии». В любой религии есть объекты особой значимости, объекты почитания и поклонения. Значимые христианские концепты «ковчег», «плащаница», «скрижаль» и языческие концепты «идол», «кумир» получают с XVIII в. новое метафорическое рождение.

Концепты «ковчег», «плащаница», «скрижаль» функционируют преимущественно в пределах религиозного дискурса. Душа предстает как ковчег (ящичек для реликвий), в котором сохранены главные духовные ценности: *несозданный свет мысль Твою озаряет, и ковчег души Твоея наполнен Святаго Духа благоуханием* (арх. Платон (Левшин). «Слово в день святых апостолов Петра и Павла»). Метафоры плащаницы и скрижали репрезентируют запечатление в душе человека образа Христа, основных заповедей: *Каковое изображение лица своего Спаситель начертал на убрусе: таковое или и яснейшее и славнейшее можем мы всегда изобразить на душе своей* (арх. Платон (Левшин). «Слово на день нерукотворенного образа»); *...и в скрижали души Мое заповедное слово Отныне навеки впиши* (Л. А. Мей. «Храни поученье отцово...»).

Элементы языческой концептосферы «идол» и «кумир» появляются в новом значении в творчест-

ве сентименталистов, получают широкое распространение в поэзии русского романтизма, а затем прочно закрепляются в художественном дискурсе. Изначально *идол* и *кумир* обозначали скульптурное изображение, изваяние, объект языческого поклонения. Позднее, по аналогии с французской лингвокультурой, концепты «кумир» и «идол» используются для обозначения объекта чувств: *...idole de ton âme: кумир моя душа, так, как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах* (Н. И. Новиков. «Живописец»). В итоге в художественном дискурсе кумиром души, ее идолом является исключительно любимый человек: *И тот, к кому душа стремилась, Кого в кумиры избрала...* (Е. П. Ростопчина. «В степи»); *О прелестница, идол моей души...* (А. Н. Толстой. «Рукопись, найденная под кроватью»).

2. Слот «Атрибуты богослужения». Элементами богослужения являются такие предметы церковной утвари, как жертвенник, алтарь, престол, кадило, лампада, свечи и др. Литература XVIII–XIX вв. использует названные концепты для репрезентации душевной жизни человека: *Стала жизнь и пуста, и темна; И душа – как лампада без масла, Догоревшая ярко до дна* (Ю. В. Жадовская. «Да, я вижу, безумство то было...»); *Возьми мою душу, как паникадило, Возьми и расплескивай голубой фимиам...* (А. Мариенгоф. «Бедное паникадило»).

Жертвенник, алтарь, престол традиционно являются символом присутствия Бога или воссоединения с ним: *И жертвенник души нашей должен всегда обмыт быть слезами покаяния* (арх. Платон (Левшин). «Слово на освящение домового храма в Чудове монастыре»); *Пред алтарем души в смиренье клятву дал ...* (П. А. Вяземский. «Уныние»); *Ты постигаешь ли умом Создавшего миры и лета? Его престол – душа Поэта* (А. С. Грибоедов. «Отрывок из Гете»).

4. Фрейм «Религиозные действия и ритуалы». С древних времен люди проводили ритуалы, чтобы умилостивить богов, успокоить стихии, получить хороший урожай, победить врага.

Слот 1. «Религиозные действия». Для верующего человека характерны такие особые действия и состояния, как вера, молитва, исповедь. Вера в божество является необходимым условием любой религии. В художественном дискурсе объектом веры становится не только Бог, но и природа, красота: *Сам не понимал он, Что иногда ташлось у него В душе болезненной, готовой верить и в красоту, и в бога, и в природу, и в демона* (Я. П. Полонский. «Мечтатель»). Молитва – это обращение к Богу, небесным силам или святым с просьбой, благодарением или прославлением. Художественный дискурс демонстрирует новый

смысл христианского концепта. Молитва души становится призывом к любимой женщине: *Душа хотела б ей молиться, А сердце рвется обожать...* (Ф. И. Тютчев. «Как неразгаданная тайна...»); *Ты знаешь ли, как хороши Слова любви, когда в них страстно Звучат моления души?* (М. Лохвицкая. «Титания»).

Слот 2. «Религиозные ритуалы». Ритуалы характерны как для язычества, так и для христианства. К числу основных религиозных ритуалов можно отнести освящение, крещение, жертвоприношение. Душа предстает как главная ценность, которую человек приносит в жертву своему божеству, демонстрируя тем самым ему свою безусловную преданность: *За одну Твою щедроту, За один Твой кроткий взгляд, Сердце, душу, жизнь, охоту, Росс принести на жертву рад* (Г. Р. Державин. «Описание торжества, бывшего в доме князя Потемкина»); *И вы, наперсницы порочных заблуждений, Которым без любви я жертвовал собой, Покоем, славою, свободой и душой...* (А. С. Пушкин. «Погастро дневное светило»).

Крещение – это обряд, посредством которого человек умирает для греха и рождается для жизни духовной, святой. Метафора крещения демонстрирует рождение человека для новой жизни, обретение новых качеств: *Из мук казненных поколений, Из душ, крестившихся в крови, Из ненавидящей любви, Из преступлений, исступлений – Возникнет праведная Русь* (М. А. Волошин. «Заклинание»).

Освящение – религиозный ритуал, совершаемый служителями культа, во время которого материальные предметы посредством определенных действий наделяются мистическими свойствами: *... добро творите, И души ваши освятите, Доколе не пришли сей свет* (Г. Р. Державин. «На кончину благодетеля»).

5. Фрейм «Культовые пространства». Места совершения обрядов и ритуалов, богослужения также являются значимыми для религиозной символики. В данном фрейме наблюдается четкая дифференциация христианских и языческих представлений.

Слот 1. «Языческие места богослужений». Капище – культовое сооружение у восточных и прибалтийских славян дохристианского периода. В пределах данного слота душа предстает как место поклонения кумирам и идолам: *Некогда были воздвигнуты диаволу и демонам капища и жертвенники, ... уразумей, что и ныне могут быть в душе капище и жертвенник, может быть мысленный кумир* (еп. Игнатий (Брянчанинов). «Отечник»); *... радостно почувствовал, как мрачно покачнулся и вывалился из души каменный истукан божества* (А. С. Серафимович. «К. А. Тимирязев»).

Святылище – место, посвященное божеству, служившее местом убежища для преследуемых.

Данная метафора создает образ души как священного пространства, скрытого от посторонних глаз: *Она ль откроет иноверцам Святылище души младой?...* (Е. П. Ростопчина. «Прежней наперснице»); *Я умереть хочу, ревниво охраняя Святылище души от чуждых, дерзких глаз...* (С. Я. Надсон. «Последнее письмо»).

Слот 2. «Христианские места богослужений». Душа уподобляется храму, в котором незримо присутствует Бог и свершаются основные таинства: *И в душе своей чувствительной жертву утреннюю, чистую, приносил царю небесному* (Н. М. Карамзин. «Илья Муромец»); *В моей душе звучит как панихида, Но в памяти нет мысли ни одной!* (А. К. Толстой. «Дракон»); *душу эту, как темный, запущенный храм, осветили огнями и наполнили опять молитвами и надеждами* (И. А. Гончаров. «Обрыв»).

Душа становится храмом дружбы, добродетели: *Святые жертвы воскурились Благотворению в душах – И ты, о дружба, дар небесный!* (Н. М. Карамзин. «Дарования вдохновений...»). Главным божеством становится любимая женщина, она царит в душе, ей курится фимиам и приносятся жертвы: *Моя душа твой вечный храм; Как божество, твой образ там; Не от небес, лишь от него Я жду спасенья своего* (М. Ю. Лермонтов. «Как дух отчаянья и зла...»); *Всечасно милую свою воображая, Тебе в душе моей алтарь соорудил, Там богу моему я жертву приносил* (А. Ф. Мерзляков. «Письмо Вертера к Шарlotte»).

6. Фрейм «Загробный мир». Посмертная жизнь – один из основных образов веры. В различных религиозных системах (как языческих, так и монотеистических) существуют представления о потустороннем мире, в который уходят люди после смерти, это некая обитель умерших или их душ. Центральными концептами данной сферы являются концепты «рай» и «ад».

Слот 1. «Рай». Рай – место вечного блаженства, обещанное праведникам в будущей жизни. Данный концепт сопряжен исключительно с положительными эмотивными смыслами: *Прекрасна ты, как месяц май, Душа твоя – мне рай* (Е. И. Костров. «Стихи на выздоровление Анеты»); *... другой и в соломку зароется, хлеба с кваском покушает, а на душе-то у него рай!* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»). Рай в душе становится знаком эмоционального подъема или благополучия, умиротворения.

Слот 2. «Ад». В большинстве религий присутствует место посмертного наказания за грехи, символизирующее неотвратимость возмездия, – ад. При метафорической проекции на душу человека концепт «ад» актуализирует негативные прагматические смы-

слы. Ад в душе реализует признаки душевных терзаний, страданий: *Если при мне рассказывали о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми, о злоупотреблении властью, то ад бушевал у меня в душе* (А. Белинский. «Дмитрий Калинин»); *Были обыкновенные люди, но только потерявшие образ человеческий. Потому что тартар был у них в душах* (М. Анчаров. «Сода-солнце»).

Проведенный анализ метафорической модели с исходной сферой «религия» продемонстрировал, что в художественном дискурсе наблюдается активное использование религиозных концептов для репрезентации внутреннего мира человека, в результате происходит изменение содержания «художественных концептов» [5], обогащение их семантической структуры.

Религиозная метафорика, задействованная при концептуализации внутреннего мира человека, базируется на фундаментальных оппозициях «добро–зло» и «свой–чужой», что позволяет сформировать оценочный подход к познаваемым фрагментам действительности.

Характерной особенностью исследуемой метафорической модели является тесный синтез языческих и христианских представлений. Как отметил Н. А. Бердяев, «в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента: – первобытное, природное язычество, и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [6]. В полной мере этом можно отнести и к внутреннему миру человека.

Также следует отметить, что пик использования в художественном дискурсе религиозной метафоры приходится на XVIII–XIX вв. С XX в., после 1917 г., религия перестала занимать в жизни общества центральное место, в результате данная сфера стала значительно реже использоваться как источник метафорической экспансии при осмыслении действительности, в том числе и внутреннего мира человека. Таким образом, функционирование метафорических моделей обусловлено в значительной степени историко-культурным развитием общества, а также ролью религиозно-конфессиональных факторов в его жизни.

Список литературы

1. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агентство «Фаир», 1998. 352 с.
2. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2014. 404 с.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
4. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 420 с.
5. Болотнова Н. С. О вариативном потенциале художественного концепта в художественных текстах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 6 (159) С. 118–125.
6. Бердяев Н. А. Русская религиозная идея и русское государство. URL: <http://philosophy.ru/library/berd/comm.html> (дата обращения 12.10.2012).

Кондратьева О. Н., доктор филологических наук, доцент, профессор.
Кемеровский государственный университет.
Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.
E-mail: Kondr25@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 21.03.2016.

О. Н. Kondratyeva

RELIGIOUS METAPHORS IN THE ART DISCOURSE

The article considers the specific character of religious metaphors and their role in conceptualization of the soul in art discourse of the XVIII–XX centuries. The characteristic feature of the studied metaphorical model is the close synthesis of pagan and Christian concepts, the appeal to fundamental oppositions “good – evil” and “own – alien”, estimation approach to cognizable fragments of reality. By means of a metaphorical projection from the area of “religion” into the area of “man’s inner world” in an art discourse the spiritual qualities of the person, emotional life, personal relations between the man and the woman are represented. The peak of the use of religious metaphors in an art discourse is XVIII–XIX centuries. Since XX century, after 1917, the religion has ceased to occupy the central position in the life of a society, as a result the given area began to be used significantly less often as a source of metaphorical expansion.

Key words: *conceptual metaphor, concept, art discourse religion, soul.*

References

1. Mechkovskaya N. B. *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow, Agentstvo "Fair" Publ., 1998. 352 p. (in Russian).
2. Kondrat'eva O. N. *Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokul'ture (XI–XX vv.)*. Dis. d-ra filol. nauk [Dynamics of metaphorical models in Russian linguoculture (XI–XX centuries)]. Thesis of doct. philol. sci.]. Kemerovo, 2014. 404 p. (in Russian).
3. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of a political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2001. 238 p. (in Russian).
4. Balashova L. V. *Rol' metaforizatsii v stanovlenii i razvitii leksiko-semanticheskoy sistemy (na materiale russkogo yazyka XI–XX vv.)*. Dis. d-ra filol. nauk [Role of metaphorization in development and progress of lexico-semantic system (on the material of Russian XI–XX centuries)]. Thesis of doct. philol. sci.]. Saratov, 1999. 420 p. (in Russian).
5. Bolotnova N. S. O variativnom potentsiale khudozhestvennogo kontsepta v khudozhestvennykh tekstakh [Variative potential of fiction concept in poetic texts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 6 (159), pp. 118–125 (in Russian).
6. Berdyayev N. A. *Russkaya religioznaya ideya i russkoye gosudarstvo* [Russian religious idea and Russian state]. URL: <http://philosophy.ru/library/berd/comm.html> (accessed 12 October 2012) (in Russian).

Kondratyeva O. N.

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: Kondr25@rambler.ru